

УДК 82.091

«ИДИОТ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ» ЭЖЕНА СЮ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Дарима Д. Шарапова^{1, @}

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, 1

@darimasharapowa@gmail.com

Поступила в редакцию 01.04.2016.

Принята к печати 16.05.2016.

Ключевые слова: бульварная литература, Достоевский, Эжен Сю, «Идиот», «Парижские тайны», бульварный роман, достоевистика.

Аннотация: Статья посвящена влиянию жанра бульварного романа на произведение Ф. М. Достоевского «Идиот». Выделяется ряд персонажей (Настасья Филипповна, Лев Николаевич Мышкин), чьи характеры связаны с определенными героями романа Эжена Сю «Парижские тайны», а также ряд сюжетных моментов, родственных жанру бульварного романа (таких как частые скандалы, важные для сюжета совпадения, сиротство главных героев, рано лишившихся родителей, эффектные яркие сцены, полные театральности, любовные треугольники и обилие сюжетных линий). Автор статьи прослеживает генезис бульварных мотивов романа «Идиот», пользуясь черновиками и планами произведения Достоевского, рассматривая не только конечный текст, но и процесс его зарождения, а также не вошедшие в книгу сюжетные варианты, имеющие точки соприкосновения с бульварным романом.

Для цитирования: Шарапова Д. Д. «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Парижские тайны» Эжен Сю: точки соприкосновения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 228 – 232. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-228-232.

Роман Ф. М. Достоевского «Идиот», как и все Пятикнижье в целом, наделен множеством черт, присущих поэтике жанра бульварного романа. Действительно, уже сама по себе фабула произведения предполагает вполне определенные ассоциации с произведениями Сулье и Сю, а характеры персонажей Достоевского некоторыми чертами похожи на устоявшиеся типы бульварного романа.

Под бульварным романом в данном исследовании мы подразумеваем социальный роман, описывающий современную автору ситуацию, направленный на описание общества и нравов сразу нескольких слоев общества, причем особое внимание уделяется не высшему свету, а, напротив, бедным ремесленникам, чиновникам, маргиналам и полусвету. Жанр бульварного романа близок жанру французского романа-фельетона, однако между ними существует ряд различий: если под романом-фельетоном подразумевается просто сериальная форма выпуска произведения, при этом не налагающая никакие особые ограничения на сюжет и тематику, то роман бульварный – это произведение о современных автору реалиях жизни городского дна. При этом бульварный роман выпускался, как правило, в форме романа-фельетона, частями, из-за чего авторам приходилось заканчивать каждый отрывок максимально интригующе, чтобы читатель купил следующий номер с очередной главкой произведения – этим и объясняется количество сюжетных линий и персонажей, фигурирующих на страницах произведения. Что же касается происхождения бульварного жанра, то данную литературную традицию зародил Эжен Сю своим романом «Парижские тайны», а продолжили ее такие писатели, как Поль де Кок, Фредерик Сулье, Ксавье де Монтепен. Несмотря на довольно прохладное отношение критики к жанру, бульварный роман повлиял на многих классиков мировой литературы и породил своих «звезд»,

таких как уже упоминавшиеся Сю и Сулье. Нас же как исследователей интересуют исключительно особенности жанра бульварного романа: сюжетное построение произведения, типы героев, присущие именно этому жанру, поэтика, способы построения интриги и системы сюжетных линий; целью данного исследования является выделение определенных мотивов данного жанра в романе «Идиот», но ни в коем случае не оценка бульварного романа как жанра с точки зрения его художественных достоинств или недостатков.

Достоевский, несомненно, был хорошо знаком с традицией бульварного романа, особенно с творчеством Эжена Сю: общеизвестен факт того, что русский писатель даже собирался переводить «Матильду» Сю [7, с. 83]. Также часты упоминания Достоевским романов Поль де Кока [8, с. 83]. Кроме того, Достоевского еще при жизни неоднократно упрекали в том, что его творчество очень сильно напоминает бульварную литературу, роман-фельетон, с чем он порой действительно соглашался [6, с. 431]. Более поздние же исследователи, такие как М. М. Бахтин [2, с. 312], П. Мейер [9], М. Джоунс [3], Л. П. Гроссман [2], неоднократно указывали на то, что Достоевский находился под сильным влиянием поэтики бульварного романа. Исследователь С. А. Неклюдов в своих работах, посвященных проблеме целостности романов Ф. М. Достоевского [10 – 13], в том числе сюжетным лакунам [12], связывает едва намеченные писателем сюжеты, не развитые впоследствии, не только с фельетонной манерой подачи материала, но и с влиянием бульварного романа в целом [10 – 13]. Особо исследователь выделяет фигуру Эжена Сю [13], который для Достоевского является не просто одним из представителей бульварного жанра, а намного более значимой фигурой, что убедительно доказывает Степан Алексеевич.

Но прежде чем мы начнем говорить о собственно тексте романа, позволим себе заглянуть в черновики. По сравнению с окончательным вариантом, черновик является квинтэссенцией, набором сюжетных штампов бульварного романа: здесь и изнасилование Идиотом главной героини, упомянутое многократно, и несколько ситуаций, связанных с наследством, и даже тайная жена Идиота – Достоевский тщательно перебирал, судя по записям, всевозможные сюжетные приемы, взятые напрямую из бульварной литературы, дабы закрутить сюжет романа и сделать его максимально увлекательным. От большей части вариантов, отсылающих к бульварщине, автор отказался, что хорошо видно по черновикам, и окончательный план романа содержит в себе лишь ситуацию с наследством, и то не развернутую настолько, насколько она была представлена в предыдущих вариантах.

Любопытно, что Достоевский лишает героя и сложной семейной драмы, намеченной им в черновиках: так, у Идиота в одном из вариантов были мать, исчезнувшая без вести и появляющаяся в середине романа, и уже упомянутая тайная жена Идиота. Кроме того, в черновиках Достоевский ставит вопрос о законности рождения Идиота [5, с. 189], что подразумевает очередной виток сюжета, связанный с решением этой загадки; стоит ли говорить, что и бульварные романы переполнены незаконнорожденными героями. Жена Идиота, к слову, умирает при весьма драматических обстоятельствах, отравившись [5, с. 192].

Достоевский в черновых записях перебирает самые разные варианты сюжета, происхождение некоторых из них нельзя объяснить ничем, кроме влияния бульварной литературы. Помимо прочих вариантов финала романа автором рассматривался и тот, где Настасья Филипповна уходит в бордель [5, с. 218]. Ирония в том, что в этом варианте, лишь пунктирно намеченном, легко угадывается уход Лилии-Марии, героини романа «Парижские тайны» Эжена Сю, в монастырь, совершенный по примерно тем же причинам (а именно – из-за порочного образа жизни, который велся обеими не по своей воле с юного возраста, и осознания собственной греховности, не дающей возможности сблизиться с кем-либо), что и поступок Настасьи Филипповны; судя по всему, именно разница характеров героинь не позволяет Достоевскому отправить госпожу Барашкову замаливать грехи, отчего он и планировал бросить ее в самую гущу разврата, который ей не нужен был абсолютно.

Окончательный же текст произведения намного дальше от бульварного романа, нежели черновик. Тем не менее многое, взятое из черновиков, все же обрело воплощение в романе, будучи преломленным, а основные сюжетные ходы все так же напоминают бульварную литературу – разумеется, измененные авторским сознанием, отяжененные дополнительными коннотациями и ассоциациями, значащие намного больше, чем скандалы и интриги романа бульварного. Именно об этом мы бы и хотели рассказать в данной статье.

Прежде всего отметим, что среда, в которой врачаются герои, смешанная. Сложно назвать это сообщество даже полусветом, пожалуй, настолько оно разнородно: представители княжеских фамилий, дети чиновников (Ипполит), Настасья Филипповна, находящаяся на содержании у Толстого, семейство Лебедева, купечество в

лице Рогожина – продолжать можно еще долго. При этом Достоевский дополнительно подчеркивает, насколько разнородно общество вокруг Настасьи Филипповны, отбирающей знакомства по одному ей известному принципу [4, с. 39]. То же самое мы можем сказать и о действующих лицах романа бульварного, который характеризуется необыкновенным разнообразием характеров, а персонажи принадлежат к самым разным социальным слоям, нередко в ходе развития сюжета возносясь до аристократии с самого дна или же, напротив, проделывая путь «из князя в грязи».

Подобные метаморфозы прямо касаются и героев, и героинь Достоевского. Настасья Филипповна тоже проделывает этот путь: из дочери Филиппа Александровича Барашкова, который был «отставной офицер, хорошей дворянской фамилии», она волею случая становится юной наложницей Толстого, которая затем не может вернуть свое место в обществе из-за своей поруганной чести; но помимо Настасьи Филипповны этот же путь проделывает Мышкин, когда обретает сказочное наследство, превратившись из нищего представителя древнего обедневшего дворянского рода с подозрением на психическое расстройство в богатого человека, которому согласны прощать многие причуды. Подобные метаморфозы затрагивают и других персонажей, однако в меньшей степени; так, в некотором смысле это касается Рогожина и Епанчина.

Вернемся к образу Настасьи Филипповны, жизнь которой действительно имеет множество пересечений с сюжетом бульварного романа. Несмотря на то, что по сути она является сдержанкой Толстого, Настасья Филипповна сохраняет моральные принципы и держит себя строго. Если вспомнить о героине «Парижских тайн» Лилии-Марии, то можно найти немало пересечений между судьбами обоих персонажей: обе они высокородны по происхождению, обе были вовлечены в разврат не по своей воле, у обеих падение связано с потерей связи с родными (в случае Настасьи Филипповны – со смертью ее родителя, в случае Лилии-Марии – с предательством матери), обе испытывают душевные терзания, связанные с недостойным образом жизни, которые и приводят в конечном итоге к катастрофе. И Лилия-Мария, и Настасья Филипповна не могут связать свою жизнь с влюбленным в них человеком, происходящим из хорошей фамилии, несмотря на то, что питают к нему искреннюю симпатию – причиной в обоих случаях является прошлое героинь. Кроме того, обе они из положения маргинального восходят к концу жизни к высоким, аристократическим социальным позициям; здесь, правда, стоит оговориться, что Настасья Филипповна так и не стала женой князя, а Лилия-Мария недолго пробыла при дворе своего отца-правителя, уйдя в монастырь по собственной воле, то есть среди сильных мира сего они так в итоге и не оказались, угнетенные осознанием своего падения. Правда, нельзя сказать, что Лилия-Мария испытывает к кому-либо из своего прежнего окружения такие же чувства, что и Настасья Филипповна к Толстому, однако и положение героинь Достоевского и Сю различно: если Настасья Филипповна была разращена одним человеком, то Лилия-Мария развратила безликая улица, система, которая была наложена задолго до нее, главным орудием которой в данном случае была Людоедка, исполняющая роль сутенера.

Отдельно подчеркнем эпизод, связанный с букическим уединением Настасьи Филипповны в юношеские годы, когда уже после смерти сестры она перемещается Тоцким в Отрадное. В сущности, этот эпизод во многом напоминает аналогичный из «Парижских тайн», когда Родольф отправляет Лилию-Марию на ферму, правда, обыгрывается достаточно зло Достоевским. Если Лилия-Мария на ферме переодевается в скромное платье селянки, знакомится с пастором, отдается заботам доброй госпожи Жорж, избавляется от гнета обязательств перед Людоедкой (Родольф перед поездкой тайно выкупает Лилию-Марию у ее сутенерши), наконец-то избавляется от своей позорной профессии, одним словом, начинает новую счастливую жизнь подальше от тлетворного Парижа и пороков, то в случае с Настасьей Филипповной букическое уединение в прекрасном домике представляет собой весьма злую пародию на возрождение падшей Лилии-Марии на букевальской ферме, ведь именно там, в Отрадном, героиня Достоевского и совершает свое грехопадение, которое не сможет себе простить. Особенно показательно то, что в обоих случаях за всем этим стоит фигура отца: и если Родольф на самом деле является отцом (хотя и сам того не знает на момент поездки на ферму) Лилии-Марии, то Тоцкий – официальный опекун Настасьи Филипповны. Кстати, детство Настасьи Филипповны достаточно типично для героини бульварного романа, поскольку отец ее при весьма драматических обстоятельствах, потеряв все, сходит с ума, мать погибает в пожаре, а сестра Настасья Филипповна умирает от коклюша в юном возрасте.

Полное сиротство вкупе с благородным при этом происхождением и достойными родственниками, оказавшимися заложниками своей судьбы и неудач, в которых они сами неповинны, достаточно типично для героев бульварного романа; кстати, это относится и к Льву Николаевичу, о происхождении которого можно сказать то же самое: он лишен родителей с раннего детства. В черновиках Достоевский рассматривает варианты наделения Мышкина семьей со сложными взаимоотношениями родственников, что приблизило бы роман к бульварному жанру, но отказывается от него.

Здесь же скажем и о том, что Достоевский использует столь часто встречающиеся в бульварной литературе контрасты, касающиеся не только характеров героев, но и в первую очередь их внешности. Он маркирует персонажей в самом начале романа, указывая уже одним портретным сходством на то, чего ждать от каждого из них: в данном случае я имею в виду то, что противопоставление Мышкина Рогожину, данное в самом начале произведения, еще в первой главе, бросается в глаза достаточно явно, равно как и противопоставление Лилии-Марии Волчице, к примеру, причем различие в обоих случаях проводится даже на уровне противопоставления цвета волос – белокурый Мышкин противопоставлен темноволосому, почти черноволосому Рогожину, а Лилия-Мария – Волчице [14, с. 582]. Оба автора ассоциируют белокурые волосы с кротостью и невинностью, а черные – со страстью и пороком.

Что же касается сюжета, о котором также необходимо сказать, то сперва отметим неравномерность повествования и целые месяцы, остающиеся за кадром романа, причем в эти месяцы, несомненно, происходят опреде-

ленные события, которые мы реконструируем по репликам героев. В целом это тоже достаточно характерно для бульварного романа, который в это пропущенное время вкладывает те события, знание о которых разрушило бы интригу произведения или замедлило бы ход сюжета: в романе «Агасфер» Эжен Сю пропускает несколько месяцев, в которые герои успели добраться до Парижа, выйти из тюрьмы и попасть в передряги, а в романе «Идиот» Достоевский пропускает несколько месяцев, в течение которых Настасья Филипповна успевает несколько раз сбежать от Мышкина к Рогожину и наоборот. При этом нельзя сказать, что для читателя пропущенное время было бы неинтересно, скорее наоборот (*о причинах возникновения лакун см. [12]*).

Продолжим рассуждения о сюжете тем, что в целом роман, как и многие другие произведения Достоевского (например, «Преступление и наказание»), держится на совпадениях. Совпадения эти касаются как концентрирования множества персонажей в нужном месте в нужное время, так и обстоятельств в целом. В случае же романа бульварного совпадения играют настолько важную и доминирующую роль, что именно в них и заключается основная неправдоподобность, которую так часто ставят в вину жанру.

Помимо совпадений, также бульварный роман характеризуется театральными сценами и жестами, которые успели стать визитной карточкой жанра. В романе «Идиот» сцен эффектных, настроенных на шокирование зрителя, немало: здесь и швыряние Настасьей Филипповной денег в огонь, и вход Настасьи Филипповны в дом Гани, и пощечина, обрушившаяся на лицо Мышкина, и неожиданная весть о наследстве (кстати о совпадениях: здесь же оказывается вовремя человек, который может подтвердить информацию о наследстве!), и предложение руки и сердца, и неудавшееся самоубийство Ипполита, и т. д. и т. п. Некоторые сюжетные линии оказываются неразвитыми, к примеру, не совсем ясно, что именно объединяет Евгения Павловича и Настасью Филипповну, и этим же довольно часто грешат и романы бульварные, авторы которых бросят побочные линии и совершенно забывают о самом существовании второстепенных героев, лишь едва речь заходит о главных персонажах (*подробнее см. [12]*). Весьма мелодраматичны и чувства, питаемые героями по отношению друг к другу: и если нежная дружба сестер Еланчиных выглядит весьма естественно, то желание Настасьи Филипповны женить князя на своей сопернице – абсолютно алогично и нормальным названо не может быть, хотя в системе координат бульварного романа смотрится вполне естественно.

Пряником к бульварной традиции отсылает и история с сыном Павлищева, которую расследует Ганя. Кстати, стоит отметить и то, насколько легко и непринужденно герои и Достоевского, и Сю из разряда смертельных врагов переходят в разряд вернейших друзей (опять же безо всякой более-менее логической подоплеки). Все это объясняется личностью князя, который так легко очаровывает людей, заронив в них зерно чего-то светлого, что они мгновенно переходят на его сторону, и здесь же умейстным будет вспомнить и о Родольфе, после встречи с которым Поножовщик настолько проникается его благородством, что умирает как верный пес, защищая своего покровителя. Дальнейшие изъявления теплых чувств

друг к другу потерпевших и ответчиков [4, с. 306 – 307] для Достоевского более чем уместны, равно как и для того же Сю. Правда, здесь же можно вспомнить и диаметрально противоположную по вектору ситуацию, когда после обмена крестами Рогожин бежит за Мышкиным, готовый его зарезать – и столь же алогичную, как и приведенные выше.

Резкий переход от светлых и радостных событий к печальным особенно очевиден в эпизоде, следующем за разбирательством с сыном Павлищева, когда во время дня рождения Мышина Ипполит читает свое прощальное письмо, а затем стреляется. Отвлекаясь от самого Ипполита, отметим, что манера, которой придерживаются герои при общении, весьма неестественна: чего стоят огромные монологи, которые они читают в адрес друг друга.

Вставная история о враче, который едет в Санкт-Петербург с объяснениями, рассказанная Ипполитом, выдержаны в лучших традициях Эжена Сю, где врач все же одерживает верх, напоминая о героях «Агасфера» и ситуации, которая касается Кардовиль и Агриколы. История же о Сурикове, который «заморозил» ребенка с дочерьью-содержанкой, тоже вполне вписывается в бульварный роман; надо сказать, сам по себе Ипполит и его семейство являются героями, которые напоминают типичное для бульварного романа семейство несчастных, почти близкое Морелям.

Последним же эпизодом, который мы хотим отметить, является самый конец романа, когда князь и Рогожин спят возле мертвой Настасьи Филипповны. Бессспорно, это самая грандиозная сцена произведения, наполненная настоящим мрачным величием – и отсылающая напрямую к «Агасферу» Эжена Сю, в finale которого в комнате выставляются гробы, в которых лежат шесть жертв заговора, а перед ними – корчащийся в судорогах смерти Роден, от вида которых княгиня де Сен-Дизье

потеряла рассудок навсегда. То же самое произошло и с Мышкиным, когда наконец отперли дверь и нашли его обнимающим такого же обезумевшего Рогожина.

Заканчивая данную статью, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что хотя большая часть моментов, связанных с влиянием бульварного жанра на роман «Идиот», осталась в виде черновиков и не была перенесена автором в роман, в окончательной версии произведения все же сохранились сюжетные ходы и другие особенности, родившие книгу Достоевского с бульварным жанром. Особенно подвержены этому сходству разнообразные факторы, касающиеся Настасьи Филипповны, а именно – обстоятельства, связанные с ее детством, сиротством, грехопадением, а также разнородность среды, которая окружала ее; кроме того, между Настасьей Филипповной и героиней «Парижских тайн» Сю существует немало точек соприкосновения. Среди сюжетных же особенностей стоит выделить важную роль совпадений, на которых строится весь роман, а также наличие «белых пятен», связанных с пропуском большого количества времени, насыщенного событиями, которые впоследствии читатель реконструирует по диалогам между героями. К сюжетным же особенностям относятся и театральные сцены, и резкие переходы от светлых моментов к мрачным, призванные подчеркнуть трагичность ситуации, и обилие интриг, и алогичность поступков героев, и обе ситуации, связанные с наследством – а именно получение Мышкиным наследства и история с сыном Павлищева. Кроме того, существует ряд ситуаций, которые в той или иной степени скрыто обыгрывают моменты из романа Эжена Сю «Парижские тайны», причем большая их часть связана с Настасьей Филипповной – Достоевский переворачивает буколическое освобождающее единение Лилии-Марии, превращая его в буколический ад юной наложницы Тоцкого.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 363 с.
2. Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М.: Государственная академия наук, 1925. 191 с.
3. Джоунс М. Романтизм в творчестве Ф. М. Достоевского: «Неточка Незнанова» и «Матильда» Эжена Сю // Достоевский. Дополнения к комментарию / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наука, 2005. С. 370 – 392.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 8. 509 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 9. 527 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 20. 432 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. 544 с.
8. Еленгеева И. Произведения Поль де Кока в круге чтения персонажей Ф. Достоевского // Вестник Казахского национального педагогического университета. (Серия: Филология). 2010. № 1. С. 83 – 86.
9. Мейер П. Русские читают французов. Лермонтов, Достоевский, Толстой и французская литература. М.: Три квадрата, 2011. 336 с.
10. Неклюдов С. А. К проблеме интерпретации романа Ф. М. Достоевского «Бесы» в свете двух замыслов (романа-памфлета и романа-трагедии) // Studia Slavica: Сборник научных трудов молодых филологов. Таллин: 2011. Т. 10. С. 90 – 100.
11. Неклюдов С. А. Проблема целостности романов Ф. М. Достоевского (на примере романов «Идиот» и «Бесы»): дис. ... канд. филол. наук; Московский гос. ун-т. 2013. 169 с.
12. Неклюдов С. А. Сюжетные лакуны и композиция целого в романе «Идиот» // Studia Slavica: Сборник научных трудов молодых филологов. Таллин, 2014. Т. 12. С. 45 – 57.
13. Неклюдов С. А., Эжен Сю и Фёдор Достоевский: литературная мода 30 – 40-х гг. в контексте 60 – 70-х гг. XIX века // Русская литература: тексты и контексты: Сборник научных трудов молодых филологов. Варшава, 2011. Т. 1. С. 99 – 107.
14. Сю Э. Парижские тайны. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. 608 с.

“THE IDIOT” BY F. M. DOSTOYEVSKY AND “LES MYSTERES DE PARIS” BY EUGENE SUE: COMMON GROUNDS

Darima D. Sharapova^{1, @}

¹ Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

@darimasharapowa@gmail.com

Received 01.04.2016.

Accepted 16.05.2016.

Keywords: Dostoyevsky, Eugene Sue, The Idiot; Les mysteres de Paris, roman-feuilleton, tabloid literature, dostoievistics.

Abstract: The article is about the influence of the “roman-feuilleton” on the novel “The Idiot” by F. M. Dostoyevsky. The article features a number of selected heroes (Nastasiya Filippovna and prince Myshkin) and situations which have analogues with the novel “Les mysteres de Paris” by Eugene Sue and the genre of “roman-feuilleton” (for example, repeated scandals, which are very important for the story, coincidences, parentlessness of the main heroes, love triangles, numerous dramatic scenes and storylines). Also, the author of the article analyzes the genesis of the feuilleton motifs and the varieties that were left by Dostoyevsky as plans and drafts only.

For citation: Sharapova D. D. «Idiot» F. M. Dostoevskogo i «Parizhskie tainy» Ezhena Siu: tochki soprikosnoveniiia [“The Idiot” by F. M. Dostoyevsky and “Les mysteres de Paris” by Eugene Sue: common grounds]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 228 – 232. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-228-232

References

1. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoyevsky's Poetics]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1963, 363.
2. Grossman L. P. *Poetika Dostoevskogo* [Poetics of Dostoyevsky]. Moscow: Gosudarstvennaya akademiia nauk, 1925, 191.
3. Jones M. Romantizm v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: «Netochka Nezvanova» i «Matilda» Ezhena Siu [Romanticism in Dostoyevsky's works: “Netochka Nezvanova” and “Mathilde” by Eugene Sue]. *Dostoevskii. Dopolneniya k kommentariiu* [Dostoyevsky. Additions to the comments]. Ed. Kasatkina T. A. Moscow: Nauka, 2005, 370 – 392.
4. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Omnibus edition by Dostoevsky F. M.]. Leningrad: Nauka, vol. 8 (1973): 509.
5. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Omnibus edition by Dostoevskiy F. M.] Leningrad: Nauka, vol. 9 (1974): 527.
6. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Omnibus edition by Dostoevskiy F. M.] Leningrad: Nauka, vol. 20 (1980): 432.
7. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Omnibus edition by Dostoevskiy F. M.]. Leningrad: Nauka, vol. 28, book 1 (1985): 544.
8. Elengeeva I. Proizvedeniia Pol' de Koka v krige chteniiia personazhei F. Dostoevskogo [Works by Paul de Kock in the reading circle of Dostoyevsky's characters]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta, seriya Filologicheskaiia = Bulletin of the Kazakh National Pedagogical University, Philological part*, no. 1 (2010): 83 – 86.
9. Meyer P. *Russkie chitali frantsuzov. Lermontov, Dostoevskii, Tolstoi i frantsuzskaia literatura* [How the Russians read the French: Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy and French literature]. Moscow: Tri kvadrata, 2011, 336.
10. Nekliudov S. A. K probleme interpretatsii romana F. M. Dostoevskogo «Besy» v svete dvukh zamyslov (romana-pamfleta i romana-tragedii) [To the problem of interpretation of the novel by F. M. Dostoyevsky “The Possessed” in the light of the other plans]. *Studia Slavica*, Tallinn, vol. 10 (2011): 90 – 100.
11. Nekliudov S. A. *Problema tselostnosti romanov F. M. Dostoevskogo (na primere romanov «Idiot» i «Besy»)*. Diss. kand. filol. nauk [The problem of the integrity of Dostoyevsky's works (“The Idiot” and “The Possessed”). Cand. filol. Sci. Diss.]. Moscow State Univ. Moscow, 2013, 169.
12. Nekliudov S. A. Siuzhetnye lakuny i kompozitsiiia tselogo v romane «Idiot» [Scene gaps and the whole composition of the novel “The Idiot”]. *Studia Slavica*, Tallin, vol. 12 (2014): 45 – 57.
13. Nekliudov S. A. Ezhena Siu i Fedor Dostoevsky: literaturnaia moda 30 – 40-kh gg. v kontekste 60 – 70-kh gg. XIX veka [Eugene Sue and Fyodor Dostoevsky: literary fashion 30 – 40th in the context of the 60 – 70-ies XIX century]. *Russkaia literatura: teksty i konteksty* [Russian Literature: Texts and Contexts]. Warsaw, vol. 1 (2011): 99 – 107.
14. Sue E. *Parizhskie tainy* [The Mysteries of Paris]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1991, vol. 1, 608.